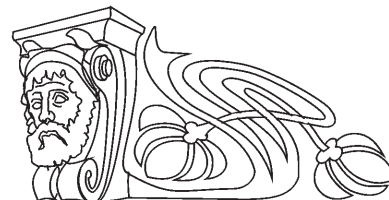

Научная статья

УДК 330

Культура и экономическое развитие: образование, идеология (институты) и наука в контексте модернизации России в конце XVII – начале XVIII веков

В. А. Максимов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Аннотация. Введение. Взаимодействие, взаимопроникновение, синтез экономики и культуры стали актуальным полем исследования в современных гуманитарных научных концепциях и практических разработках. Присуждение Нобелевской премии по экономике в последнее десятилетие подтверждает значимость данного направления для общего понимания эволюции и модернизации общества.

Теоретический анализ. Теории экономического развития стали включать культуру как неременный атрибут качественных изменений. Выдвигаются три возможные допущения. Культура и экономика сосуществуют, влияние минимально. Экономика как культура подразумевает полную поглощённость вне рыночных действий, их тотальную рациональность и незначительность ментальных отклонений и антистимулов в хозяйственных практиках. Культура как экономика видится антропологическим объяснением всех индивидуальных, семейных, групповых и общих интересов, доминирование нематериальных (социальных, идеологических, политических и т.д.) предпочтений и действий. **Эмпирический анализ.** В российских исследованиях оригинальным является обращение к философским основаниям культурных изменений, ставя вопрос, содержится ли в культуре цивилизационный код? Новое понимание социально-экономического развития заключается в переосмыслении эволюции механизмов координации экономической деятельности, в которой институты (формальные и неформальные правила и нормы) эволюционно «выстраиваются» в определённый социальный порядок. Значимым дополнением в понимании развития может быть циклический процесс принуждения структурного характера, в большинстве случаев со стороны государства. **Результаты.** Модернизация общества и экономики России в конце XVII – начале XVIII в. есть результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния в контексте взаимодействия власти с сословиями. Книжная культура, ментальные установки, образовательные практики правели к устойчивому экономическому росту и предпринимательской активности.

Ключевые слова: экономическая культура, развитие социально-экономических порядков, концепции экономического роста, научная и образовательная революция

Для цитирования: Максимов В. А. Культура и экономическое развитие: образование, идеология (институты) и наука в контексте модернизации России в конце XVII – начале XVIII веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 375–391. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-375-391>, EDN: AXVCAK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Culture and economic development: Education, ideology (institutions) and science in the context of Russian modernization in the late 17th – early 18th centuries

V. A. Maksimov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim A. Maksimov, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Abstract. Introduction. Interaction, interpenetration, synthesis of economics and culture have become an urgent field of research in modern humanitarian scientific concepts and practical developments. The awarding of the Nobel Prizes in Economics in the last decade confirms the importance of this area for a common understanding of the evolution and modernization of society. **Theoretical analysis.** Theories of economic development began to include culture as an indispensable attribute of qualitative change. Three possible assumptions are put forward. Culture and economy coexist, the impact is minimal. Economics as a culture, which implies the complete absorption of non-market actions, their total

rationality and the insignificance of mental deviations and anti-incentives in economic practices. Culture as an economy is seen as an anthropological explanation of all individual, family, group and common interests, the dominance of intangible (social, ideological, political, etc.) preferences. **Empirical analysis.** In Russian research, it is original to address the philosophical foundations of cultural change, raising questions whether culture contains a civilizational code. A new understanding of socio-economic development is to rethink the evolution of economic activity coordination mechanisms, in which institutions (formal and informal rules and norms) are evolutionarily “built” into a certain social order. A significant addition to the understanding of development can be a cyclical process of structural coercion, in most cases done by the state. **Results.** The modernization of society and Russian economy in the late 17th – early 18th centuries is the result of a mutually conditioned change in culture, institutions, technological progress and well-being in the context of the interaction of power with different social classes. Book culture, mental attitudes, educational practices led to sustainable economic growth and entrepreneurial activity.

Keywords: economic culture, development of socio-economic orders, concepts of economic growth, scientific and educational revolution

For citation: Maksimov V. A. Culture and economic development: education, ideology (institutions) and science in the context of Russian modernization in the late 17th – early 18th centuries. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 375–391 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-375-391>, EDN: AXVCAK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Культура – возделывание души.

Цицерон

Natura non facit saltum.

Alfred Marshall

Введение

Взаимодействие, взаимопроникновение, синтез экономики и культуры стали актуальным полем исследования в современных гуманитарных научных концепциях и практических разработках. Присуждение Нобелевской премии по экономике в последнее десятилетие подтверждает значимость данного направления для общего понимания эволюции и модернизации общества. Теории экономического развития стали включать культуру как неперенный атрибут качественных изменений. Присутствие культурного начала в экономической науке анализировалось исходя из трёх каузальных допущений:

1) культура и экономика сосуществуют, у каждой свой предмет и объект исследования, влияние минимально;

2) экономика как культура подразумевает полную поглощённость вне рыночных действий, их тотальную рациональность и незначительность (для теории) ментальных отклонений и антистимулов в хозяйственных практиках;

3) культура как экономика видится антропологическим объяснением всех индивидуальных, семейных, групповых и общих интересов, доминирование нематериальных (социальных, идеологических, политических и т. д.) предпочтений и действий [1]. В прикладных экономических дисциплинах особое значение имеют корпоративная, организационная, предпринимательская культура, культура потребления, тесно связанная с личностным

выбором, телеологичностью и прагматизмом, что позволило применять обобщённый термин «экономическая культура».

Если ранее (70–90-е гг. XX в.) важность культуры постулировалась в таких научных областях, как экономическая психология и поведенческая экономика, в виде междисциплинарного нарратива и определённого феномена, то с начала 2000-х гг. в экспериментальной экономике культура представлена уже как нумен, как базовая компонента экономических исходов или основная каузальная величина и измеряемая структурная переменная.

Теоретический анализ

При всём многообразии определений культуры в общественных науках и междисциплинарных исследованиях можно выделить следующие подходы:

– ценностный (аксиологический);

– содержательный (эссеистский), подчёркивающий сочетание нормативных и позитивных установок;

– формообразующий (язык, традиция, историческая память, религия, отношение к государству).

Классическое восприятие культуры, особенно в экономической антропологии, постулировалось Э. Тейлором как слагаемое в своём целом из знаний, убеждений, нравственности, законов, способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества [2]. Б. Малиновский писал, что «культура – это единое целое, состоящее частью из автономных, а частью из согласованных между собой институтов... она служит удовлетворению всего спектра базовых, инструментальных и интегративных потребностей» [3, с. 15]. Современные исследователи

рассматривают культуру как исторически передаваемую систему смыслов, воплощённых в символах, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают своё знание о жизни и отношение к ней. Примечательно, что ещё в XIX в. русский историк В. Ключевский, анализируя преобразовательную политику Петра I и её последствия, указывал на его тягу к постоянному самопознанию и потребности в знаниях, которые царь подчас принудительно навязывал российскому обществу [4]. Культуру также рассматривают как программное обеспечение разума [5].

Российские исследования идут по линии «культура и экономика», подчёркивая их гомогенность. Оригинальным является обращение к философским основаниям культурных изменений, ставя вопросы: содержится ли в культуре цивилизационный код? присуще ли должествование, а значит, и этика, экономическим поступкам? насколько доверие в межсубъектных отношениях влияет на развитие (эффективность) социально экономической системы? действительно ли, что культуре имманентна постоянная изменчивость, соединённость традиции и готовность к новизне?

Вынесенное в эпиграф к статье высказывание А. Маршала является лейтмотивом современных концепций развития, претендующих на универсальность и якобы имеющих объяснительную силу. Академик В. Полтерович настаивает на новом подходе к пониманию социально-экономического развития, заключающемся в переосмыслении эволюции механизмов координации. По его мнению, четыре основных теории общественного развития, ставящих во главу угла географические, институциональные или культурные факторы, по отдельности не дают удовлетворительного описания; скорее, это «результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния в контексте взаимодействия механизмов власти и сотрудничества» [6, с. 7]. В контексте представленной темы следует выделить концепцию экономического развития Д. Норта, в которой институты (формальные и неформальные правила и нормы) эволюционно «выстраиваются» в определённый социальный порядок [7]. В прикладных экономических дисциплинах (например, «Экономическая безопасность») основным критерием развития признаётся рост ВВП, но также рассчитывается индекс «Нацио-

нальная сила государства», где большой вес имеет качество государственного управления.

Одним из возможных объяснений значения взаимодействия культуры и экономического развития является концепция «цивилизационного поворота» Ш. Эйзенштадта, которая в своей основе следовала анализу социокультурной динамики, отказываясь от дихотомической установки в соотношении традиции и модерности [8]. Истоком концепции стало исследование в историческом ракурсе «бюрократических империй», ядром которого стало рассмотрение символических ориентаций и их влияние на имперские стратегии мобилизации «свободных ресурсов». Сравнительная характеристика институциональных практик показала, что существуют исторические сдвиги, напрямую связанные с культурой, креативной деятельностью и социальными порядками. Эпистемически «цивилизационное измерение общества» определяется, во-первых, как культурная интерпретация мира, его онтологическое или космологическое видение; во-вторых, как определение, разграничение и регулирование сфер социальной жизни. Цивилизационный поворот «вырастает» из амбивалентных и антиномичных культурных предпосылок о существовании гетеродоксальных артикуляций, которые в определённое историческое время могут повлиять на социальную трансформацию. Наряду с «осевыми» сменами цивилизации существуют и вторичные прорывы или «экуменический ренессанс» (вторая половина XVII в. как время сингулярности). Модерность конфигуративна: складывается в пространственно-временных контекстах локального, регионального и национального масштабов. Происходят качественные изменения структуры человеческого бытия в мире, интенционально возникает осознанное стремление к воздействию на него, пониманию его устройства и реконструкции. Культура предстаёт в виде аналитической автономии и играет конститутивную роль в социальной жизни.

В системных исследованиях модернизации общества возвращается концепция Г. Мюрдаля – Н. Калдора, восходящая к физиократической школе, К. Марксу и К. Викселю, обосновавшая принцип круговой и кумулятивной причинности. В открытой экономической системе взаимосвязанные переменные меняются со временем, но не все одинаково значимы, совокупные воздействия могут быть сильнее или слабее, восходящие или нисходящие. Эволюционный

процесс претерпевает метаморфозы, изменения могут осуществляться с лагом различной длительности. Культура предстаёт не единственным объясняющим фактором, а комплементарным к социально-экономическим, технологическим и экологическим. Совместное кумулятивное воздействие приводит к эффекту начальных изменений, усиление флуктуации способствует возрастанию неустойчивого равновесия. В контексте темы статьи эффект проигранной битвы при Нарве послужил перестройке механизмов координации будущей Российской империи. Отношения между институтами и индивидами в рамках кумулятивных изменений (вторичных и третичных) концептуально строятся на основе трёх тенденций: неравенства регионов и социальных групп; внутренней и внешней экономии; диффузии к расширению территорий и групп населения [9].

К вышеназванной концепции модернизации примыкает миросистемная теория И. Валлерстайна, обосновывающая ускорение социальных трансформаций через диффузию новшеств, культурного и технологического характера, политической эволюции, являющихся в целом результатом ответов общества на вызовы-угрозы и/или вызовы-возможности [10]. Начало процессов перманентных изменений традиционно датируется XVI в., следующий век – эпоха турбулентности, сопровождающаяся сломом политических порядков, концентрацией государствами (абсолютистскими монархиями) организационных и фискальных структур, финансовых ресурсов. Основным драйвером эпохи остаются войны, затяжной характер которых потребовал массового производства оружия для армии, такелажа для флота, разведки собственных источников сырья. Обеспечение таких потребностей и выполнение перспективных задач вызвали запрос на расширение (модернизацию) управленческих структур и их мотивацию («служение» не только первому лицу, но государству, нации, цивилизационному архетипу). Становление нового сословия – бюрократии – последовательный процесс преобразований в Европе, а затем и России. «Рождение подобного нового Левиафана – вероятно, наполовину непреднамеренное – было одним из важнейших достижений XVII в., сравнимым с рождением современной науки или иного исторического прорыва того времени» [11, с. 19].

Эпоха XVII в. имела свойство эмерджентности, связанной с познавательной культурой,

как своеобразным габитусом – совокупностью методов, средств, традиций, принципов в духовной и интеллектуальной деятельности в поисках истины. Мыслительные и оценочные стратегии с операционными механизмами проявлялись в эвристических и психологических установках на практическую пользу обществу, исключающих однообразие и повторение (по Ж. Делёзу). Такой тип культуры особенно ярко проявился в сфере научных исследований, сопровождавшихся техническими изобретениями. В большинстве своём новации совершались непрофессиональными учёными, не обременёнными официальной идеологией. Органически воспринимая слова Ф. Бэкона, что «знание – сила», что познание истины и смысла жизни «является мерилом знания и делом разума» (Дж. Локк), они имплицитно формировали новый стиль мышления и новое восприятие мира.

Научная революция XVII в., открытия в математике и естественных науках послужили «точкой опоры» для преобразований следующего века, особенно в промышленной сфере. Закладываются основы алгебраической символики (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Бернулли), математического анализа (Б. Паскаль – П. Ферма, 1654 г.), теории вероятности (Х. Гюйгенс, 1657 г.), выдвинут закон больших чисел (Я. Бернулли, 1713 г., работавший в Санкт-Петербурге), классической механики (Г. Галилей), оптики, теплотехники, акустики, свойств газов, астрономии (Дж. Кассини). Экспериментальные исследования становятся инструментальным дополнением выдвигаемым гипотезам в физике (Э. Торричелли, О. Герике), химии (Р. Бойль), биологии (В. Гарвей). Они же позволили определиться с предметной областью и статусом как науки химии, географии, биологии, физиологии растений и животных (в ней отдельно представлена энтомология). Диффузия естественно-научного знания в общественные науки (ещё не разделившиеся на дисциплины) приводит к философскому осмыслению пользы науки для человечества и выдвижению концепций развития, непрерывности, изменчивости жизни и социальных порядков (предтечи современных эволюционных теорий как социального, так и экономического характера). Лейбниц педалировал принципы единства мира природы и государственного строительства в беседах с Петром I (в 1697 г. и дважды в 1716 г.), повторяя вслед за Аристотелем тезис, что природа не делает скачков, самозарождаясь и самоорганизуясь.

Эмпирический анализ

В России на протяжении 50 и более лет (конец XVII – начало XVIII в.) происходили существенные изменения институтов, социальных порядков и культурной среды. С одной стороны, они были естественны и востребованы сословиями и податным населением, с другой – по форме проведения и ментальным ощущениям представлялись как насилие и отход от самобытности. Кумулятивный эффект *de facto* проявился в 1721–1722 гг. (заключение Ништадтского мира и введение Табели о рангах). Представляется, что изменения были неизбежны, эволюционны и «вестернизированы» по национальным лекалам. Последствия и итоги новой российской государственности обсуждаются на протяжении трёх веков как в научной, так и в публичной сферах.

Во второй половине XVII в. усиливаются контакты России с западными странами. Череда войн, торговые операции, дипломатические связи, приглашение иностранных специалистов, церковная идеологическая перестройка способствовали постепенным сдвигам в мировоззрении как властных структур, так и всех слоёв населения. С 1670-х гг. главы Посольского приказа интенсифицируют внешнюю политику и на правах советников в беседах и записках рекомендуют царям привнести в государственные порядки элементы европейского предпроевещения как в хозяйственной сфере, так и в социальных практиках. Так, идеи меркантилизма в виде торгово-предпринимательских новаций применительно к русскому купечеству преподносились А. Ордин-Нащокиным царю Алексею Михайловичу, принципы камералистики в финансах и денежном обращении А. Матвеевым – Фёдору III, способы модернизации государственного управления (по Кольберу) В. Голицыным (отмена местничества на военной службе) – царевне Софье. Такие предложения принято считать предпосылками петровских реформ.

В этот период происходит расширение грамотности, особенно среди служивых людей и духовенства. По подсчётам, среди воевод почти нет неграмотных (в первой половине века – большинство населения полуграмотно и неграмотно), владели письмом белое духовенство – на 100%, чёрное – на 75%, крупные и средние землевладельцы – более 50%, крестьяне – более 15% (крепостные – неграмотные,

черносошные – полуграмотные). В Москве возросла потребность в составлении документов нормативно-правового характера, количество служивых людей (дьяков и подьячих), их составляющих в приказах и частным образом (на улицах Мещанской слободы), увеличилось до 178 и 1450 соответственно. Грамотно подготовленными были и стрельцы, также практиковавшие данные услуги для населения [12].

Обучение в XVII в. в целом шло при церквях и монастырях либо на дому у сановников. Методика заключалась в последовательном заучивании букваря – часослова – псалтыря (царь Пётр мог наизусть распевать псалмы). Во второй половине века начали открываться первые частные и регулярные школы. В Москве при Чудовом монастыре в 50-е гг. возникает греко-латинская школа Максима Грека, в 1665 г. – школа грамматического обучения для подьячих Симеона Полоцкого, где преподавали латынь. Он же давал уроки малолетним будущим царям Фёдору и Софье. В 1681 г. при Печатном дворе открывается 1-я типографская школа (латынь и грамматика), в которой пребывали 232 ученика. В 1682 г. советник Софьи Сильвестр Медведев основывает свою школу. Важной датой становится 1687 год, когда была основана Славяно-греко-латинская академия открытого типа с доступом детей знати, духовенства и чиновничества. Возглавили её братья Лихуды, греческого происхождения, получившие образование в Киево-Могилянской Коллегии (с 1701 г. – Академия). Они ставили задачу обучения не только богословию, но и общим наукам по образцу европейских университетов в виде стандарта-тривиума: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, физика (география), языки – греческий и латынь.

Увеличивается переводная иностранная литература (сначала рукописная, затем печатная); если в XVI в. было переведено всего 26 книг, в первой половине XVII в. – 13, то во второй половине – 114 книг (из них лишь 37 религиозных). Они были широко представлены тематически – по космографии (Меркатор, Блеу), военному делу (Фронтин), исторические хроники (Стрыйковский), лечебники, «Анатомия» (Везалий), словари и грамматики. В некоторых переводах освещались идеи Птолемея, Коперника, Аристотеля, средневековых схоластов. Изучение иностранных языков становится нормой у власти и знати: Софья, Фёдор, Иван знали польский, Пётр мог изъясняться и читать по-голландски

и по-немецки. В. Голицын был полиглотом. Языковая практика закреплялась при общении со служивыми и торговыми иностранцами в среде купечества и посадского населения, так как европейские слободы (колонии) существовали помимо Москвы в обоих Новгородах, Туле, Вологде, Астрахани [13].

Оригинальные сочинения об истории, географии, этнологии страны были востребованы всеми кругами общества и признавались как источник сведений о России на Западе. «Синописис» архимандрита Киево-Печерской Лавры Иннокентия Гизеля, в котором обосновывалась идея исторического единства Руси, государственного строительства и национальной самобытности, был самым читаемым сочинением в XVII–XVIII вв. (выдержал 25 изданий). Посол в Китае Николай Спафарий (1675–1678) подготовил двухтомный труд описания Сибири и Китая, в котором указывал на цивилизационную роль русских первопроходцев в освоении новых территорий. С. Ремезов в 1697–1701 гг. в рукописном виде создал «Чертёжную книгу Сибири» и «Хореографическую книгу Сибири» (возможно, они были преподнесены Петру I), в которых были собраны уникальные сведения географического, этнологического и археологического характера.

Расширяется книготорговля, создаются особые лавки и книжные ряды, которые конкурируют с прежним местом продаж на овощных прилавках (Мещанская слобода в Москве). Книги распространяются и в принудительном порядке (по спискам) – от Печатного двора по церквям и монастырям. Возникает новое явление – цензура и запреты со стороны церкви на продажи светских книг. Это касалось в основном изданий на польском языке, выпущенных в Киеве (к 1673 г. около 800 экз.), но их покупала служебная и духовная знать, формируя личные и ведомственные фонды. Изменяется и читательский спрос на богословские издания: предпочтительнее стала назидательная литература: «Пролог» (жития святых), Минеи (нравоучительные повести для семейного чтения) и «Маргарит» (собрание высказываний Иоанна Златоуста). В описях имущества книги шли после икон, в особняках и избах стояли рядом. Книги закладывались, арендовались, похищались (особенно духовными лицами), они становятся не только цензом, престижным продуктом, но и мерилем образованности и воспитания.

Характерным идеологическим и культурным моментом стало Соловецкое восстание (сидение) 1668–1676 гг. Поводом послужил отказ монахов принять присланные из Москвы новые служебные книги. После подавления восстания вся библиотека монастыря (крупнейшая в России, по описи насчитывавшая 1478 преимущественно рукописей) была изъята и переведена в другие духовные заведения и приказы, при этом победитель сидельцев воевода Мещеринов похитил 48 книг, из которых 29 печатных и 11 светского содержания. Организация и пополнение библиотек становится определённым императивом, условием, событием, подчас критерием пока неосознаваемого модерна. Патриаршая библиотека при Никоне насчитывала 1334 книги, печатных и рукописных, летописей и уложений; разделённая на ризную и домовую, по описи 1695 г. приближалась к 3000. Светских сочинений насчитывалось в ризной – 130, в домовой – 93 [13]. Позже (по описи 1718 г.) ризная пополнялась историческими (Гераклит, Ксенофонт), философскими и политическими (Аристотель, Демосфен), переводами древнегреческих трагедий. Типографская библиотека при Печатном дворе увеличилась в четыре раза к 1700 г. – до 1000 книг (за счёт частных собраний опальных правительственных лиц, в частности А. Матвеева), в два раза расширилась библиотека Посольского приказа (из собрания С. Медведева) – со 118 до 253 книг (1673–1696 гг.), в которой преобладала светская литература (по праву и истории). Библиотеки приказов придерживались специфики деятельности: Аптекарский – книги по медицине и ботанике, Пушкарский – по управлению и военному делу. Цари (Фёдор, Софья) охотно заказывали богословские, учебные и светские труды, становились читателями, тем самым показывая пример и утверждая привычку самообразования у приближённых.

Формируются частные собрания. В царской семье особенно этим отличался старший сын Алексея Михайловича – Алексей, имея в своих покоях 192 книги (из них 128 на иностранных языках) и два глобуса. У царя Фёдора по описи было 280 книг, большинство светских, 24 – на польском языке. Пётр в детстве читал «Хронику» Стрыйковского и астрономическую «О Луне», перевезя в Приображенское село 12 книг. Советник царей Артамон Матвеев приобретал книги только на иностранных языках, всего – 77, из них 42 на латыни. В. Голицын (по описи)

держал в домашней библиотеке 93 книги, более 100 он отправил в свои вотчинные церкви для обучения детей. С. Медведев (приближённый Софьи и Голицына) создал «Оглавление книг, кто их сложил», став «отцом славяно-русской историографии», располагал 539 сочинениями, из которых – 133 светского содержания по истории, философии, филологии, медицине. Промышленник Строганов старался приобрести или перекупать новейшие издания, собрав библиотеку в 205 книг [13].

Кульминационным поворотом в экономическом развитии и «светскости» российской культуры стал указ от 22 ноября 1696 г. об отправлении дворянских детей (придворные стольники) для получения образования за границу. Азовские походы 1695–1697 гг., продолжавшие линию правительства Софьи о союзе со Священной лигой, показали необходимость обновления не только военной и хозяйственной инфраструктуры, но и качественных преобразований в образовании, прикладном обучении и науке. Подавление Стрелецкого бунта 1698 г. послужило толчком к ускоренной модернизации институтов и социальных порядков, первоначально проистекавшей бессистемно и грешившей подчас слепым переносом западных образцов. Замысел Петра (первоначально интуитивный, спонтанный, по мнению В. Ключевского) заключался в стремительности (высоких темпах) обладания Россией интеллектуальной базы в виде просвещённых кадров. Этим предусматривалось: 1) выезд российских поданных за рубеж для «обогащения в науках»; 2) масштабное приглашение иностранных специалистов; 3) распространение знаний путём открытия новых учебных заведений светского характера с элементами европейской идеологии.

С «Великим посольством» 1697–1698 гг. было отправлено 50 человек, акцентировано для обучения мореходному делу (всего – до 150). В последующие годы предполагалось, что круг изучения должен быть расширен: медицина, право (в Кёнигсберге для подьячих в коллегиях), архитектура, живопись, коммерческое дело (для сыновей московских купцов) и языки. Это позволило обучающимся познакомиться и проникнуться идеями Локка, Гоббса, Гуго Гроция, Пуффендорфа, Вольфа. В России каждый год открываются новые учебные заведения:

1699 г. – Пушкинская школа (Москва); с 1701 стала Артиллерийской, в 1721 г. переведена в Санкт-Петербург;

1701 г. – Школа Математических и Навигацких наук двух уровней (русская и цифирная), выдавались «кормовые» деньги (15 коп. в день), по плану набор составлял 500 человек. Кроме Москвы, аналоги были созданы в Астрахани, Новгороде, затем в Нарве и Ревеле;

1701 г. – Школа иностранных языков при Посольском приказе;

1702 г. – Школы начального образования при ведомствах – Адмиралтейская, Горная, Промысловая, Архиерейские и Епископальные, при губернских органах;

1710 г. – Медицинская школа в Москве, с 1716 г. и в Санкт-Петербурге;

1712 г. – Инженерная школа в Москве, с 1721 г. и в Санкт-Петербурге;

1715 г. – Морская Академия, привилегированная (только для дворян), по плану рассчитана на 300 обучающихся, к 1724 г. насчитывала 508 человек. Помимо профессиональной подготовки, преподавались политика, право, семь иностранных языков и другие «шляхетские науки» [14].

В целом, к 1727 г. в России насчитывалось 80 учебных заведений и примерно 5000 обучающихся. В начале века было только два высших: Киево-Могилянская академия и Славяно-греко-латинская академия. Последняя стала приближаться содержательно и по методам к европейским образцам (обязательной стала латынь): газета «Ведомости», ссылаясь на Петра, отметила, что «45 человек слушают философию и уже диалектику окончили». Обучение шло по восьми ступеням (с 12–13 лет): славяно-русская школа (чтение и письмо), фара (то же, но по латыни), инфима (грамматика, история, география), синтаксима (высшая грамматика и арифметика, катехизис), пиитика, риторика, философия (логика, метафизика, политика), богословие. Число учащихся выросло со 150 (1701 г.) до 629 (1725 г.).

Пётр курировал, организовывал и регламентировал в буквальном смысле все отрасли знания, необходимые для институциональных преобразований. Посетив Европу, он оценил важность влияния печати на общественную жизнь, изменив полностью издательскую деятельность и придав ярко выраженный светский характер. Произошло расширение тематики, поощрялись новые жанры, новые виды печати (газеты, атласы, карты, гравированные книги), введена новая азбука (указ от 29 января 1719 г.). Царь лично редактировал издания, ввёл новый

шрифт, арабские цифры, определял дизайн. Были закуплены на западе современные типографские технологии, что позволило напечатать «Таблицы логарифмов, и синусов, тангенсов, секансов» (1703 г.) и «Лексикон трехязычный». Открываются новые типографии (государственные, ведомственные и частные) для выпуска учебных пособий и переводных книг по математике, физике, медицине. Указ 1705 г. провозгласил: «Наука в школах умножается, а книг учебных нет». Было приказано срочно напечатать книги по «сравнительной религии». Происходит специализация типографий: Сенатская издавала законодательные акты, манифесты, регламенты, артикулы, табели; Александро-Невская Лавра – учебники и книги для чтения, в которой глава Синода Ф. Прокопович печатает свой «Букварь, или Первое учение отроком».

Усилилась переводческая деятельность. По неполным данным, с 1701 по 1724 г. было издано 1877 наименований книг: на правовую тематику – 636, гуманитарного направления – 50 (в том числе хронографы и летописцы), художественной литературы – 83, естественнонаучной – 26, по военному делу – 68, религиозной литературы – 208 книг. Ставилась задача освещения событий и новостей: газета «Ведомости» стала регулярной и за данный период выходила 584 раза. Пётр I настаивает на историко-культурном просвещении народа, поручает Ф. Поликарпову (главе 1-й типографии) написать труд по деяниям российских монархов, начиная с Василия III. Выходят труды А. Манкиева «Ядро российской истории», Л. Галларта «История Северной войны», В. Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694 гг.»

Собирательство книг стало рассматриваться как важнейший элемент «государственного устройства». Уже с 1696 г. поручаются дипломатическим и военным посланникам не только сбор сведений и найм иностранных специалистов, но и неременный подбор книг и произведений искусств. Известны докладные записки Петру I от Постникова (из Франции и Голландии в 1704–1710 гг.) и Татищева (из Саксонии в 1712–1714 гг. и Швеции в 1722–1724 гг.) о расходах по закупкам и доставке морем изданий известных учёных. Первоначально они хранились беспорядочно в Летнем дворце (небольшая часть) и Зимнем дворце (наиболее ценные). В 1714 г. Пётр по подсказке Ф. Салтыкова (посланник в Англии,

1713 г.) решает открыть первую государственную публичную библиотеку, указывая на пример университетов Кембриджа и Оксфорда, разместив её в Кунсткамере (комнате искусств, «диковинок и редкости»), ставшей первым в России публичным музеем. В неё были переданы императором все преподнесённые книги от иностранных правительств, а также доставшиеся в наследство от Фёдора, Софьи, сестры Натальи Алексеевны (284 экз.) и царевича Алексея (269 экз. на немецком, польском и латыни).

Приближённые Петра I не только создавали свои частные библиотеки, но и, возглавляя ведомства, настаивали на их прочтении, особенно для расширения профессионального знания. Я. Брюс, получивший математическое образование в Европе, наиболее просвещённый сподвижник царя, возглавлявший Берг-и-Мануфактур коллегии, был учредителем школ, вёл переписку с западными учёными, делал переводы трудов по геометрии, артиллерии, физике. Он, один из первых популяризаторов петровских начинаний, участвовал в создании назидательного сочинения «Юности честное зеркало», воспитавшего плеяду будущих государственных деятелей при Елизавете и Екатерине II. По описи, переданных после его смерти в библиотеку Академии наук книг насчитывалось 1410, рукописей – 52, карт – 132. Я. Брюс познакомил Петра I и его окружение с работой Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении», определив гуманистическое направление реформ в образовании.

Д. Голицын, один из первых заграничных российских учеников, посол, губернатор, глава Коммерц-коллегии и Верховного Тайного совета, имел наибольшее частное собрание книг – около 6000, половина из которых была расхищена после его опалы. Преимущественно это были книги по праву и политике (о парламентских режимах Англии и Швеции). Д. Голицын ввёл в российское просветительство труд Гуго Гроция «О праве войны и мира» и Пуффендорфа «Введение в историю нравственности». А. Матвеев, воевода, посол в Голландии в 1699–1712 гг., президент Юстиц-коллегии, не случайно внедрял в её функции образцы (как и в Европе) из римского права, основой которого были «Дигесты» Юстиниана (одна из 1300 книг, имевшихся у него). А. Матвеев – автор сочинения «Записи о стрелецком бунте», написанного по инициативе Петра, пропагандировавшего среди подданных важность знания русской истории.

Духовенство и по личной инициативе, и по инициативе Синода расширяет покупки книг и рукописей (особенно летописей). Стефан (Яворский) – митрополит Рязанский и впоследствии патриарх – обладал 609 книгами, архиепископ Новгородский Феодосий (Яновский) – 225, отдавая предпочтение юридической литературе. Синодальная библиотека ежегодно увеличивала свой фонд почти на 100 книг (в 1701 г. насчитывалось 1300 экз., в 1722 г. – 2400, в 1725 г. – 2800). При учреждении семинарий в Санкт-Петербурге и Москве в 1724 г. ввели обязательное посещение разных библиотек обучающимися для чтения книг (ежедневно по четыре часа).

В ходе второй поездки по странам Европы в 1716–1717 гг. (Германия, Дания, Голландия, Франция) Пётр I посещал частные коллекции, научные кабинеты, встречался с известными учёными, лично приглашал их в Россию. Итогом стало распоряжение 1718 г. «сделать Академию» и искать русских учёных. Её создание происходит в начале 1724 г. по указу Сената «Определение об Академии», был утверждён проект (три уровня: Академия, университет и гимназия), а также бюджет. В отличие от европейских учебных заведений, не предполагалось богословского факультета, в гимназии обучение шло в трёх классах: математическом, физическом и гуманитарном. К университету для исследовательской работы в виде научных отделений прикреплялись лаборатории: химическая (при Берг-коллегии), фармацевтическая (при Аптекарском приказе) и астрономическая (при Навигацкой школе). Академикам предписывалось: следить за научными новинками и делать «экстракты» (сводки); проверять «правильность» исследовательских открытий, о которых стало известно Академии; читать публичные лекции; составлять учебные курсы; заниматься изобретательностью (делать

эскизы и приборы/инструменты для «успеха в естественных науках»). В 1725 г. открывается академическая книжная лавка, в которой помимо издания собственных работ занимаются активным продвижением (даётся реклама) и распространением книг на внутреннем рынке, скупкой за рубежом (учреждаются комиссары в Лейпциге и Амстердаме).

Книги по истории и праву «для России были вестниками западной культуры, на уровень которой должны подняться русские люди» [15, с. 362]. Под личным наблюдением Петра были переведены сочинения С. Пуффендорфа «О законе природы и наций» (1718 г.), «О должествовании человека и гражданина в соответствии с естественным правом» (1721 г.), «Введение в историю европейскую» (1726 г.). Редактор и переводчик книг Г. Бужинский (обер-иеромонах флота, епископ Рязанский и Муромский) во введении писал, что в соответствии с законом естественного права «Россия к такому ныне приведена состоянию, что преславленным в Европе государствам от древле процветающим, не только равна, но и всем удивительна пребывает», указывал, что книга нужна русскому человеку, поскольку «изучается не только русская история, но и историческая иноязычная» [16]. Современная оценка научного вклада С. Пуффендорфа заключается в том, что он после долгого перерыва вновь ввёл и придал самостоятельное значение понятию «культура» – как результат деятельности общественно значимого человека (синтез природного и социального состояния личности), культура – как «знак» воспитанности, образованности и просвещённости. Книгопечатание в России в рассматриваемый период, отставая в абсолютных значениях от «просвещённых» стран Европы, обгоняло их по темпам прироста: к 1750 г. – в 7,7 раза, к 1800 г. – в 9,7 раза (табл. 1; сост. по: [17]).

Таблица 1 / Table 1

**Изготовление печатных книг в Европе в 1454–1800 гг.
Production of printed books in Europe in 1454–1800**

Страны	1454–1500	1501–1550	1551–1600	1601–1650	1651–1700	1701–1750	1751–1800
Англия	208	2807	7999	32912	89306	89259	138355
Франция	2861	34736	39084	61257	85163	73631	157153
Голландия	473	1045	2842	15009	30149	40950	53063
Германия	3227	15603	32112	40553	57708	78205	116814
Италия	4532	16719	41641	35067	42293	37930	75500
Испания	463	2205	2306	4631	7088	9124	16304
Швеция	6	34	49	2080	3756	6654	21305
Польша	1	63	146	1807	2062	3468	9208
Россия	0	0	0	123	165	1275	12367

Экономическое развитие России за обозначенный период, включающее неустойчивый экономический рост, характеризовалось сначала имплементацией западных институтов, их «подгонкой» и адаптацией под национальные

социальные порядки, выработкой, через пробы и ошибки, механизма координации в экономической политике, приданием внутренним хозяйственным связям мотивационного целеполагания с элементами попятного движения (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Основные вехи экономического развития России в конце XVII – начале XVIII веков
The main stages of Russian economic development in the late 17th and the beginning of the 18th centuries

Год	События и процессы	Изменения институтов и социальных порядков
1667	«Новоторговый устав» А. Ордин-Нащёкина	Попытка административной и налоговой реформ
1675	Упразднение Счётного и Монастырского приказов	Отсутствие контроля за движением и расходами ведомственных денежных средств
1679	Податная реформа	Введение подворного обложения вместо посошного
1686	«Вечный мир» с Польшей	Вступление России в международные коалиции. Усиление влияния Посольского приказа в государственном управлении
1686-1688	Походы на Крым	Выявление несоответствия военной организации хозяйственной инфраструктуре и территориальному управлению
1695-1696	Азовские походы	Стратегическое обоснование необходимости регулярного войска и флота
1697-1698	«Великое посольство»	Первоначальный замысел имплементации европейских образцов государственного порядка
1699	Городская реформа	Учреждение земского самоуправления с целью увеличения податей и сборов
1700	Начало Северной войны. Поражение под Нарвой.	Осознание неэффективности механизмов координации в управлении, инфраструктуре и мотивации
1702-1705, 1713-1714	Указы о праве дворянства избирать своих представителей в местное управление	Стимулирование сословий к хозяйственной активности в интересах государства
1708-1711, 1719, 1720	Губернская реформа. Областная реформа Губернский регламент	Ликвидация уездной системы, учреждение провинций по бюрократическому принципу, сначала в военных, а затем фискальных целях
1711	Учреждение Сената	
1712	Проект Торговой коллегии	Участие и консультирование иностранных купцов
1714	Указ о единонаследии	Регулирование социальных функций сословий
1715-1717	Комплекс законов и указов	Системное планирование в регулятивной деятельности государственных органов
1716-1720	Военная реформа. Устав воинский. Устав морской	Утверждаются регламенты по западным образцам с национальными особенностями
1718-1720 1720	Учреждение коллегий Генеральный регламент	Вводится функциональный принцип администрирования и ведомственного управления. Устанавливается система делопроизводства при коллегиальном принятии решений
1719	Податная реформа	Замена подворного обложения на подушное
1719	Указ-инструкция для воевод	Ограничение крепостной зависимости для активизации предпринимательства
1721	Положение о посессионных мануфактурах	Регламентация деятельности частно-государственного предпринимательства в промышленности
1721	Церковная реформа	Учреждения Синода и Духовного регламента
1717-1721	Пересмотр городской реформы	Создание магистратов по образцу западного рыночного права для активизации посадского сословия
1722	Табель о рангах	Все сословия подчинены «всеобщей службе» государства, потенциально подразумевающей возможность «социального лифта»

Оценки преобразований в научной литературе на протяжении XVIII–XX вв. подчас диаметрально расходятся или совпадают, несмотря на политические метаморфозы и идеологические пристрастия исследователей. Критические замечания могли диктоваться публицистической ангажированностью, конъюнктурной историко-социологической интерпретацией, следованием общефилософским схемам или становились основанием авторских гипотетических построений. Трактовка событий и хода модернизации укладывается в основном в три измерения:

- сравнение с предшествующим периодом российской истории;
- сопоставление с существующими порядками в Европе конца XVII – начала XVIII в.;
- значение институциональных изменений для последующего развития России.

Одни исследователи, сосредоточиваясь на Петровской эпохе, указывали, что налицо революционный сдвиг (С. Соловьёв, М. Покровский), другие настаивали на преемственности и эволюционном пути с акселерацией развития (В. Ключевский, С. Платонов). Методологически обсуждались проблемы возможности и закономерности национального пути развития, спонтанности и планомерности модернизации с выделением объединяющего начала в виде военного импульса. Системный характер преобразования приобретают к концу эпохи, в последние 10 лет формируется институциональный дизайн, имевший «проспективное видение» (Д. Канеман) и определённую долгосрочную устойчивость. Например, Морской устав, устанавливавший культурные практики организации этой сферы, просуществовал до 1853 г. Главный упрек славянофилов в европеизации, подражательстве Западу был нивелирован высказываниями Петра о Европе как средстве стимулирования хозяйственного развития страны (С. Соловьёв).

Значение личности царя, а затем императора Петра I для реформирования России огромно. Н. Павлов-Сильванский, рассматривая механизмы разработки и принятия законодательных актов в Сенате при участии Петра, отмечал, что он, являясь «волевым преобразователем», настаивал на коллективном (коллегиальном) принятии решений, подталкивая к намеченным целям. Когнитивный аспект личности выделял и В. Ключевский, который отмечал природную склонность к знаниям,

более того, «тягу к самопознанию». Психологическое объяснение можно найти в культурно-образовательных канонах, заложенных его отцом – царём Алексеем Михайловичем при воспитании наследников.

Кардинально меняется идеология развития. Законодательные акты и официальная публицистика (особенно в лице Ф. Прокоповича) закрепляют экзистенциальные, поворотные моменты государственного порядка:

- секуляризация и вестернизация общества как глобальный отличительный сдвиг патриархальных устоев середины XVII в.;
- опора на естественное право, легитимность с позиции разума;
- религиозное обоснование перестало быть единственным и отчасти необходимым;
- личность и государство отделялись; правитель – первый слуга Отечества.

Абсолютизм (как объяснительное понятие властных полномочий, введённое учёными-обществоведами в XIX в.) проявился в следующих чертах:

- замена Боярской думы на контролируемый Сенат, что влекло за собой снижение роли старой аристократии;
- упразднение патриаршества и введение Синода, что снизило конкуренцию в политико-идеологической сфере;
- провозглашение Указа о единонаследии, обеспечивавшего новую конфигурацию прав собственности и новые сословные функции.

Макроинституциональные изменения претерпела административная система власти как в центре, так и на региональном уровне. Выработывался новый институциональный стиль, имевший большое значение для российского дворянства. Прототипами послужила шведская модель и вообще западноевропейские бюрократические практики территориального правления – Пётр взял за образец (из собственных наблюдений) аппарат управления Эстляндии и Лифляндии. Централизованный механизм координации складывался постепенно: 1711 г. – разрешился «административный кризис» путём создания Сената вместо приказов, малоэффективных, громоздких (или мелких), смешивающих отраслевое и территориальное начало; 1717–1718 гг. – под выработанную нормотворческую базу вводится коллегиальное управление, решавшее и нацеленное на экономическое развитие. Из 9 первоначально учреждённых коллегий 5 «отвечали» за тор-

говлю, промышленность и финансы; к 1725 г. из 14 – 7. В 1726 г. специально создаётся Коллегия экономии. Вместо местнической иерархической структуры закрепляется менее жёсткая с дифференциацией компетенций, регламентацией (1720 г. – Генеральный регламент), бюрократической вертикалью (Табель о рангах). Для новых чиновников среднего ранга и переместившихся из приказов рутинные функции не изменились: как и в конце XVII в., продолжали цениться квалификация, инициатива и личные качества. Созданные институты показали свою устойчивость, жизнеспособность и функциональную пригодность. Только в 1802 г. коллегиальный способ управления был заменён на министерский.

Наиболее сложными оказались реформы местного самоуправления: территориально-областного (губернского) и городского. Преследуемые цели зависели напрямую от процессов и явлений внешнего и внутреннего характера: фискальные – пополнение бюджета для ведения войны; социальные – как реакция на народные восстания и бегства крепостных крестьян; административные – в виде сплошной регламентации деятельности субъектов империи; хозяйственные – для оживления инициативы сословий. Имплементация институтов проходила непоследовательно, не было комплементарности формальных и неформальных правил: отсутствие инфраструктуры и малочисленность квалифицированных специалистов; инертность местных органов власти, не принявших разделения судебной и исполнительной сферы; антитеза губернского и городского самоуправления из-за неучёта местных условий и дворянства; политическая неорганизованность сословий и гражданских объединений.

По-прежнему дискуссионной остаётся оценка экономических преобразований и роли экономической политики в общем ходе модернизации. Потребности войны диктовали ускорение экономической жизни, или же интересы промышленности и торговли «принудили» власть через активную внешнюю политику реформировать армейские порядки и создавать заново для этого флот? Приоритет «экономического переворота» отстаивал С. Соловьёв [18], В. Ключевский же отмечал этапы: инерционность развития с добавлением иностранных новаций в организации и технологиях хозяйственной сферы – на первом этапе, ресурсная

(факторная) зависимость, вторичность от нужд войн в ходе догоняющего развития – на втором, масштабность и устойчивость преобразований – на третьем этапе [4]. Идеологическое обоснование реформирования видится в различных вариантах европейского меркантилизма – от кольбертизма до камералистики в виде силового давления на российский капитал в фискальных целях, протекционизм, монетарные способы для укрепления положительного сальдо внешнеторгового баланса.

Промышленная политика России в рассматриваемый период определялась эволюционностью и преемственностью, но если до Петра I создание мануфактур шло естественным путём с преференциями со стороны власти иностранным предпринимателям (что было присуще политическим установкам в Англии, Голландии, Франции более ранней эпохи), то затем стала развиваться «искусственность» (А. Гершенкрон), делался упор на «форсированную индустриализацию» (тезис А. Корсака, сделанный в 1861 г., получил диаметрально противоположную интерпретацию в дореволюционных и советских исследованиях). Теоретически обоснованными представляются обобщения по экономическому развитию России «легальных марксистов» (П. Струве, М. Туган-Барановский, в какой-то степени В. Ленин) о сформированном национальном рынке, значительном росте промышленного капитала, выходящего из фазы первоначального накопления, о подготовленной квалифицированной рабочей силе и культуре труда в силу традиций русского кустарного и ремесленного производства. В современных исследованиях подчёркивается, что существуют разнообразные иерархические структуры рынков внутри общенационального, не синхронные по времени (Ф. Бродель), что субъекты развивают рынки «под себя», учитывая окружающую социальную и природную среду и культурно-исторические архетипы (П. Бурдьё), что может идти параллельное развитие (крестьянская экономика по А. Чаянову) или выделение «серого фрагмента» рыночного обмена (хозяйственная жизнь старообрядцев в рассматриваемый период). Особенности, своеобразие в культуре и поведении проявляются в неформальных правилах и хозяйственных практиках, не стыкующихся с трафаретной моделью рынка.

Социальная политика не имела чётко поставленной цели, но имплицитно просле-

живались государственный интерес, «благо народа», комплементарность с хозяйственными потребностями. Проведение реформ имело долговременное содержание, но с незапланированными последствиями. Указ 1714 г. вёл к стиранию границ господствующего сословия (юридическая разница в правах собственности поместья и владения нивелируется). Табель о рангах способствует, пока формально, формированию индивидуализированного общества. Устанавливается дифференциация социальных субъектов (места групп населения в структуре государства). Постепенно укореняется социальная мобильность (по выслуге и компетенциям получение «классного чина»), возрастает значение новой социально-административной «прослойки» – бюрократии, определяются контуры «регулярных граждан» – купцов, промышленников, лиц свободных профессий – протобуржуазии и мещанского сословия (к концу XVIII в. часть из них идентифицирует себя как интеллигенция). Подушная подать и рекрутский набор консолидировали сельскую общину, а государственные крестьяне получают образец хозяйственной независимости. Аристократия, потеряв политическое влияние, через семейно-родственные связи стала осуществлять «патронат» над торгово-промышленным капиталом, увеличивая промысловую ренту и доходы за предоставление территориального «иммунитета» для предпринимательской деятельности.

Идеологические особенности и личные пристрастия Петра I в развитии общества наиболее выпукло проявились в отношении российской церкви. Протоиерей Георгий Флоровский (профессор церковной истории в Гарвардском университете, декан Свято-Владимирской семинарии) писал: «В западничестве он не был первым, не был и одиноким в Москве конца XVII века. К Западу Московская Русь обращается и поворачивается уже много раньше. И Петр застаёт в Москве уже целое поколение, выросшее и воспитанное в мыслях о Западе, если и не в западных мыслях. Он застаёт здесь уже прочно осевшую колонию Киевских и “литовских” выходцев и выучеников, и в этой именно среде находит первое сочувствие своим культурным начинаниям. Новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом» [19, с. 206]. Тенденция к отчуждению церков-

ной собственности и доходов проявилась ещё при царе Алексее Михайловиче. Политическая оппозиция духовенства (стрелецкие бунты, идейное оправдание противоправной позиции царевича Алексея и бывшей супруги царя Евдокии) способствовала полной ликвидации автономии церкви, учреждению Духовной коллегии, а затем и Синода. Прототипом, как считает большинство исследователей, стал организационный порядок западного протестантства. Но теологические прокламации и сочинения проводника идей Петра в этой сфере Ф. Прокоповича были не простой эклектикой, а неким синтезом «европейского духа» и византийских традиций. Прагматизм экономической политики заключался в «подгонке» церковных структур к административному централизованному управлению. Интенционально-лично император хотел поднять роль духовенства в просветительстве народа с приданием нового мировосприятия (духовные регламенты, сеть приходских школ с большой перспективой всеобщности). Последствиями, вместо обскурантизма и изоляции от внешнего мира, стали бюрократизация церкви и кастовость священства; падение авторитета в мирском населении, в восприятии которого церковь предстала инструментом власти; окрепло старообрядчество (отношение к которому у государства было амбивалентно).

Изменения экономического развития чаще всего традиционно оцениваются показателями экономического роста (ВВП, доходы, население) (табл. 3, 4; сост. по: [22]). Классик экономической теории С. Кузнец, рассматривая переход к экономическому росту современного типа, выделил шесть составляющих, в том числе структурную трансформацию от сельского хозяйства к промышленности и сфере услуг, а также изменения в структуре и идеологии общества, включая урбанизацию и секуляризацию. В сфере услуг определяющую роль играли образование, книги, армия, транспортная инфраструктура и миграция [20]. Новейшие исследования по данному периоду показывают, что в странах Европы, включая Россию, изменения носили в большей степени постепенный характер и происходили в разных сферах экономики, ресурсы постепенно перетекали из сельского хозяйства в промышленность, были революционными в смысле необратимости [21].

Таблица 3 / Table 3

**Показатели экономического роста (абсолютные), 1500–1820 гг.
Economic growth indicators (absolute), 1500–1820**

Страны, регионы	ВВП, млн \$		Население, млн чел.		Подушевой ВВП, \$	
	1500 г.	1820 г.	1500 г.	1820 г.	1500 г.	1820 г.
Западная Европа	44,2	159,9	57	133	771	1202
Восточная Европа и бывший СССР	15,2	62,6	30	91	498	686
Азия	161,3	412,5	284	710	568	581
Латинская Америка	7,3	14,9	18	22	416,	691
Африка	19,4	31,3	47	74	416	421
Весь мир	248,4	694,6	378	1042	567	667

Таблица 4 / Table 4

**Темпы экономического роста (годовые средние совокупные), 1500–1820 гг., %
Economic growth rates (annual average cumulative), 1500–1820, %**

Страны, регионы	ВВП	Население	Подушевой ВВП
Западная Европа	0,40	0,26	0,14
Восточная Европа и бывший СССР	0,44	0,35	0,10
Азия	0,29	0,29	0,01
Латинская Америка	0,22	0,07	0,16
Африка	0,15	0,15	0,00
Весь мир	0,32	0,27	0,05

Одним из источников развития в России последней трети XVII столетия стала социальная трансформация при освоении территорий во время и по окончании строительства оборонительных линий (засечных черт). Образовался многочисленный слой мелких служилых людей, включая даже детей боярских, которые вели свои хозяйства личным трудом. Демографические и миграционные сдвиги подкреплялись политикой правительства некоторыми льготами для беглых лично зависимых крестьян и запрещением в южных уездах дворянского землевладения. Создание последней черты – Пензенской – позволило более активно заселять и осваивать южные земли (Белгород, Тамбов, Пенза) и Среднее Поволжье (Сызрань, Саратов). Крестьянское население на юге увеличилось в 1678–1719 гг. с 910 тыс. до 1642 тыс. чел., а на востоке – с 222 тыс. до 466 тыс. чел. Прирост составил 84 и 110% соответственно. Население исконных русских земель (Центр и Север) возросло с 5,7 млн до 6,4 млн чел., или на 12% [23, с. 312–314].

Также исследователи отмечали, что к XVIII в. Западная Европа превратилась из периферийного придатка в географический и политический центр Евразии; Россия стала играть ту же роль в отношении Центральной и Восточной Азии, через Сибирь отодвигая фронт для себя и расширяя Ойкумену для Запада в виде knowledge империализма и цивилизационного ориентира. Происходит переход к самоподдерживающему росту, импульсом которого послужила «протоиндустриализация», качественное изменение кустарной промышленности в сельской местности после 1650 г. Неформальное образование, культурные коммуникации, новые ценности ведут к неизбежным изменениям социальных порядков. Экономист и историк А. Гершенкрон писал, что экономические инновации подталкивали государственные и частные институты к эволюции, и только внутренние политические баталии могут тормозить развитие [24]. Эволюция политических институтов осуществлялась через так называемые приливные волны – государственную службу и воинскую

повинность (рекрутский набор возник в некоторых странах Европы, но особенно эффективно проявился в России), что влекло к закреплению нового, общего, социального порядка. Как отмечается, «главным источником экономии, обусловленной масштабами производства, была не экономика, но армия» [21, с. 368].

В новейших исследованиях, анализирующих данный период, одной из главных, побудительных причин экономического развития становится человеческий капитал. Отмечается его способность к коллективному мышлению (через возраст-опыт, навыки, самопризвание, продуцирование новых идей), что вкупе с технологическими изменениями ведёт к ускорению микрохозяйственных связей и культурным преобразованиям (рабочего места и рабочей силы). Синтез человеческого капитала и знаний в виде пропозиционного (наука) и прескриптивного (инженерное дело), предотвращает провал, схожий по форме со спиралью убывающей отдачи инновационного кластера [25]. Дж. Мокир также подчёркивает, что неформальные соглашения и культурные изменения оказывали на функционирование рынка воздействие, сходное с влиянием государственных институтов.

Выводы

Взаимовлияние культуры и экономического развития с позиции метатеоретических объяснений можно охарактеризовать новейшими концепциями глобальной истории, координации экономической деятельности, социальных коммуникаций и экономической антропологии.

Концепт «познавательная культура» можно интерпретировать как своеобразный габитус в познавательной деятельности человека, т.е. как совокупность принципов, методов, средств, традиций, культивируемых в духовной и интеллектуальной деятельности для поиска истины. Познавательная культура не обладает характеристиками матрицы мышления, но в ней аккумулированы мыслительные и оценочные стратегии с операционными механизмами познания личности, настрой социума, подтверждающийся уже в эвристических и ментальных установках на практическую деятельность по определённому вектору. Для осмысления сути и содержания термина убедителен подход Делёза к пониманию культуры как взаимного различения, исключающего однообразие и повторение.

Субъектные уровни познавательной деятельности позволяют осмысливать множество цивилизационных, этноконфессиональных, научных и других когнитивных практик [26]. Исследуемый в статье период являет собой сингулярное понятие или событие, имеющее смысл, которое может быть растянуто во времени и включать множество других событий. В таком объяснительно-теоретическом конструкте сочетаются возможности, наборы функций, техники и социальные изменения, которые необходимы для порождения чего-то нового. Изменения в человеке как субъекте идеологически сопряжены с двумя функциями: универсальной и индивидуализированной. При первой наступает такой интеллектуальный момент в познании человека, что он говорит «необходимо» – и это вера как основа для знания (Д. Юм). Вторая функция подчёркивает, что человек является не вещью или душой, а личностью, воспринимающей (определяющее время) и воспринимаемой (определяемое во времени). Возможен когнитивный конфликт, и пути разрешения не ясны (И. Кант), что сравнимо с развилкой системных изменений и точек бифуркации.

Научная революция и её преломление в технических изобретениях и культурных новациях стала завершающим следствием «галактики Гуттенберга». Мышление человека посредством печатных книг стало эксплицироваться систематически линейно, что позволило людям организовывать познание и виды собственной деятельности. Книжная культура максимально «внедрила» принцип последовательной сегментации, в результате чего появились прикладное знание и практические технологии [27]. Отражением этого процесса в России стало создание школ, особенно в горнозаводской промышленности, под руководством сподвижников Петра I Г. Геннина и В. Татищева на Урале, массовое приобретение книг и обучение с привлечением иностранных специалистов, подготовка российских студентов за границей.

Список литературы

1. Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. М. : Изд-во Института Гайдара ; Международные отношения ; СПб. : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. 446 с.
2. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 572 с.
3. Малиновский Б. Научная теория культуры. М. : ОГИ, 2005. 184 с.

4. Ключевский В. О. Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. М. : Мысль, 1989. 398 с.
5. Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the mind. London : McGraw-Hill, 1991. 280 p.
6. Полтерович В. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26>, EDN: MGNKOT
7. Титов В. Основные подходы к объяснению проблемы социально-экономического развития в общественных науках // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 138–152. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030103>
8. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999. 415 с.
9. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38–57. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-38-57>
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : Ленанд, 2020. 300 с.
11. Мак-Нил У. В погони за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М. : Территория будущего, 2008. 454 с.
12. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй / редкол. : А. М. Сахаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Изд-во МГУ, 1979. 350 с.
13. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л. : Наука, 1970. 224 с.
14. Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1973. 376 с.
15. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М. : Наука, 1976. 456 с.
16. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб. : Тов-во «Общественная польза», 1862. 596 с.
17. Ван Занден Я. Л. Где начало «кривой Кузнеца»? Западная Европа в период Нового времени // Экономическая история : ежегодник. Т. 2004. М. : РОССПЭН, 2004. С. 537–562. EDN: YGDOYN
18. Платонов С. Ф. Лекции по истории России. М. : Высшая школа, 1993. 736 с.
19. Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М. : Аграф, 1998. 432 с. (Путь к очевидности).
20. Kuznets S. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure. Cambridge : Mass. ; Harvard University Press, 1971. 363 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674493490>
21. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени : в 2 т. / под ред. С. Бродберри, К. О'Рурка ; пер. с англ. Ю. Каптуревского. Т. 1: 1700–1870. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 460 с.
22. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М. : Изд-во Института Гайдара, 2012. 582 с.
23. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма : в 3 т. / ред. З. В. Удальцов. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения капиталистических отношений. М. : Наука. 1986. 590 с.
24. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М. : ИД «Дело», 2015. 536 с.
25. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.
26. Биалов М. И. Познавательная культура и представления об истине // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 45–49. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-45-49>, EDN: FEYJQM
27. Маклюэн Г. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М. : Академический проект, 2022. 443 с.

References

1. Bögelsdijk S., Maseland R. *Culture in economics*. Moscow, Gaidar Institute Publ., Mezhdunarodnye otnosheniya; St. Petersburg, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2016. 446 p. (in Russian).
2. Tylor E. B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow, Politizdat, 1989. 572 p. (in Russian).
3. Malinovsky B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI, 2005. 184 p. (in Russian).
4. Klyuchevsky V. O. *Sobraniye sochineniy. T. 4. Kurs russkoy istorii* [Collected works. Vol. 4. Course of Russian history]. Moscow, Mysl', 1989. 398 p. (in Russian).
5. Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the mind. London, McGraw-Hill, 1991. 280 p.
6. Polterovich V. Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or cultura? *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 11, pp. 5–26 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26>, EDN: MGNKOT
7. Titov V. Basic approaches to explaining the problem of social and economic development in the social sciences. *Social Sciences and Contemporary World*, 2018, no. 3, pp. 138–152 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0869049918030103>
8. Eisenstadt Sh. *Revolutsiya i preobrazovaniye obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of societies: A comparative study of civilizations]. Moscow, Aspect-Press, 1999. 415 p. (in Russian).
9. O'Hara F. Contemporary principles of heterodox political economy. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 12, pp. 38–57 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-38-57>

10. Wallerstein I. *World systems analysis. An introduction*. Moscow, Lenand, 2020. 300 p. (in Russian).
11. McNeill W. *The pursuit of power. Technology, armed force, and society A.D. 1000*. Chicago, University of Chicago press, 1982. 405 p. (Russ. ed.: Moscow, Territoriya budushchego, 2008. 454 p.).
12. Sakharov A. M. (ed.) *Ocherki russkoy kul'tury XVII veka. Ch. 1. Material'naya kul'tura. Gosudarstvennyy stroy* [Essays on Russian culture of the 17th century. Pt. 1. Material culture. The State system]. Moscow, Moscow University Press, 1979. 350 p. (in Russian).
13. Luppov S. P. *Kniga v Rossii v XVII veke* [Book in Russia in the 17th century]. Leningrad, Nauka, 1970. 224 p. (in Russian).
14. Luppov S. P. *Kniga v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka* [Book in Russia in the first quarter of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1973. 376 p. (in Russian).
15. Alpatov M. A. *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka)* [Russian historical thought and Western Europe (17th – first quarter of the 18th century)]. Moscow, Nauka, 1976. 456 p. (in Russian).
16. Pekarsky P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. 1. Vvedeniye v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya* [Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1. Introduction to the history of education in Russia in the 18th century]. St. Petersburg, Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za", 1862. 596 p. (in Russian).
17. Van Zanden Ya. L. Tracing the beginning of the Kuznets curve: Western Europe during the early modern period. *Economic History: A yearbook*. Vol. 2004. Moscow, ROSSPAN, 2004, pp. 537–562 (in Russian). EDN: YGDOYN
18. Platonov S. F. *Leksii po istorii Rossii* [Lectures on Russian history]. Moscow, Vysshaya shkola, 1993. 736 p. (in Russian).
19. Florovsky G. V. *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of Russian thought]. Moscow, Agraf, 1998. 432 p. (in Russian).
20. Kuznets S. *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1971. 363 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674493490>
21. *The Cambridge economic history of Modern and Modern Europe. Vol. 1: 1700–1870* / ed. by S. Broadberry and K. H. O'Rourke. Cambridge University Press, 2010. 344 p. (Russ. ed.: Moscow, Gaidar Institute Publ., 2013. 460 p.).
22. Maddison A. *Contours of the world economy 1–2030 AD: Essays in macro-economic history*. Oxford University Press, 2007. 420 p. (Russ. ed.: Moscow, Gaidar Institute Publ., 2012. 582 p.).
23. Udal'tsov Z. V. (ed.) *Istoriya krest'yanstva v Evrope. Epokha feodalizma. T. 3. Krest'yanstvo Evropy v period razlozheniya kapitalisticheskikh otnosheniy* [History of the peasantry in Europe. The era of feudalism. Vol. 3. The peasantry of Europe during the period of disintegration of capitalist relations]. Moscow, Nauka, 1986. 590 p. (in Russian).
24. Gershenkron A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive* [Economic backwardness in the historical perspective]. Moscow, Publ. house "Delo", 2015. 536 p. (in Russian).
25. Mokir J. *The lever of riches: Technological creativity and economic progress*. Oxford University Press, 1992. 368 p. (Russ. ed.: Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 504 p.).
26. Bilalov M. I. Cognitive culture and notions of truth. *Voprosy Filosofii*, 2023, no. 9, pp. 45–49 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-45-49>, EDN: FEYJQM
27. McLuhan G. *The Gutenberg Galaxy: The making of typographic man*. University of Toronto Press, 1962. 293 p. (Russ. ed.: Moscow, Akademicheskii proekt, 2022. 443 p.).

Поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024;
 принята к публикации 01.10.2024; опубликована 25.12.2024
 The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024;
 accepted for publication 01.10.2024; published 25.12.2024